

УДК 811.161.1'373.7

Н. Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет (Россия)

НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА¹

Розглядаються методологічні засади когнітивно-дискурсивної теорії сучасної фразеологічної неології. Неофразама інтерпретується як «живий» ілокутивний знак мовної свідомості, який є експресивно-асоціативним способом конденсації багатоканальної смислової енергії концепта, що вербалізується або переосмислюється у процесі перекроювання чи оновлення мовної картини світу.

Рассматриваются методологические основы когнитивно-дискурсивной теории современной фразеологической неологии. Неофразама интерпретируется как «живой» иллокутивный знак языкового сознания, который выступает экспрессивно-ассоциативным способом конденсации многоканальной смысловой энергии вербализуемого нового или переосмысливаемого концепта, возникающего в процессе перекраивания и обновления языковой картины мира.

It deals with the methodological basis of cognitive-discourse theory of modern phraseological neology. Neophraseme is interpreted as the «alive» illocutive sign of language consciousness which is an expressive-associative way of condensation of multicanal notional energy in the new or reconsidered verbalized concept which appeared in the process of reshaping and renewal of the language picture of the world.

Введение. С последней трети XX века европейские языки подвергаются настолько влиятельному «неогенному» фактору, что в науке о языке пришлось выделить новую отрасль – неологию, а в её рамках (в связи с неофразеологическим бумом начала XXI века) – фразеологическую неологию. Лингвоконцептуальный анализ неофразем предполагает, прежде всего, выявление когнитивно-ономасиологических схем, порождающих устойчивые сочетания слов на основе соответствующей ассоциативно-смысловой мотивации [7, с. 97]. Основу таких схем составляют концепты, лежащие в основе фразеологической номинации, поскольку именно на уровне концептов осуществляются все процессы, связанные с формированием значения целого (Е. С. Кубрякова). Обобщив все выявленные процессы фразеологизации в современных славянских языках, В. М. Мокиенко членит фразеологические неологизмы на две группы: а) семантико-функциональные и б) стилистико-функциональные [9, с. 36–37]. Первое направление на материале украинского языка представлено в работе М. Кочергана и Г. Минчак [8, с. 54–58], второе (на материале белорусской идиоматики) – в исследовании Е. Е. Иванова [6, с. 45–53]. Однако несмотря на разные векторы исследования, их объединяет убеждение в том, что неофразеологизация обуславливается особенностями концептуальной картины мира разных народов и своеобразием их менталитета [8, с. 55]. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема неофразеологизации в аспекте когнитив-

© Алефиренко Н. Ф., 2009

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта № 2460, поддержанного ведомственной целевой программой РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.).

но-дискурсивной неологии, освещение которой является основной целью данной статьи.

Изложение основного материала. Задачей когнитивно-дискурсивного анализа неофраземки является определение исходного концепта и реконструкция когнитивно-ономасиологического механизма косвенно-производного именованного познаваемого или переосмысливаемого объекта. При этом важным является адекватное понимание когнитивных стимулов неофразеологизации. Мы исходим из того, что потенциально актуальная с точки зрения коммуникативной прагматики информация как объект чувственного переживания, обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, которое передавало бы ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Справиться с этой сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не по силам. Языковое сознание ищет при помощи ассоциативного мышления *новые символы* (С. Георгиева) косвенно-производного характера.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально приобретает фреймовую структуру, которая может выступать когнитивным субстратом фразеологического значения самостоятельно, преобразоваться в некий суперконцепт, представление или образ. Фрейм – наиболее типичная для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней формируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (Т. А. Ван Дейк). Структура значения неофраземы в таком случае приобретает полевою организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия – с фреймом. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его интенционал, а соотносимая с фреймом периферия – импликационал.

Так, ядром значения неофраземы *железный занавес* – ‘маска неприступности’ служит концепт «непроницаемость», обобщенно представляющий вторичную денотативную структуру «сохранять (делать) индифферентное выражение лица, скрывающее мысли и настроение человека». С первичным денотатом генетическими узлами связан импликационал (периферия ФЗ) «намеренно своим поведением или непроницаемым выражением лица что-л. скрывать». Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать прочную, непроницаемую преграду» и б) «внешняя политика закрытого общества». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «маска, скрывающая лицо», ассоциирующаяся с известным образом «железной маски» и т. п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «закрытый для других человек, хорошо скрывающий свои мысли, переживания и чувства»; б) «надежная маскировка». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определенных смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликациональную структуру фреймового типа.

Смыслообразующим источником фразеологической семантики выступает концепт, а когнитивной основой интерпретанты фразеологического знака – фрейм. Кроме того, концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы *неологизации* и *понимания* неофраземы. В силу такого их когнитивного статуса

В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

они «вынуждены» дублировать свою структуру для достижения необходимого в коммуникации взаимопонимания.

Вновь сформировавшиеся коммуникативно и прагматически значимые фрейм-структуры обычно вербализуются фразеологическими неологизмами. Полученная таким образом неофразама является вербальным аналогом фрейма, в основе которого обычно лежит пропозиция или набор пропозиций. Структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в два уровня. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как облигаторные компоненты характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами. Ср. слоты и терминалы фрейма «обманывать». В его структуре выделим 3 слота: а) *источник* – указание на причину обмана, б) *событие* – указание на сам процесс и характеристики обмана (способ проявления, интенсивность, экстенционал) и в) *следствие* – указание на то, как отразился обман на окружающих, и на того, кого обманывают. Это обязательные компоненты фрейма «обманывать». В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они получают, как правило, разное выражение: *знать мулю* – (1) ‘обманывать’, *забить мулю* – ‘обмануть’, *забить телегу* – ‘рассказать небылицу’, *загонять мулю* – ‘обманывать’; *запудрить мозги* – ‘обмануть’, *кинуть на бабки* – ‘обманом завладеть деньгами’, *знать пургу* – (2) ‘обманывать’; *ездить по ушам* – ‘обманывать’ и др.

Возникновение неофразама в речи связано со структурированием и целостным оформлением «новорожденного смысла», выражающего, по Г. Г. Шпету, укорененность индивидуального сознания в личностном бытии человека [13]. Такая связь необходима потому, что языковой знак, в том числе и неофразама, подключает личностное сознание, в пределах которого появился данный смысл, к сознанию общественному, к культуре. Следует подчеркнуть, что такого рода подключение осуществляется нашим разумом только при помощи «живого» знака, каким и является неофразама. Только неофразама, будучи истинно живым знаком, способна через речемыслительную деятельность реализовать «живые концепты», – видение познаваемого объекта изнутри, то, что ранее называли «разумением духа народа». Отсюда органическая связь объективируемой мысли с культурой – культом рождения, преображения, возрождения и разумения духа, заключенного в живой неофразама, порой необычном сцеплении слов. При этом нарушение привычной смысловой дистрибуции оказывается когнитивно оправданной игрой слов, призванной ассоциировать *логическую* и *чувственную* энергии познающего субъекта. Каждое такое слово как потенциальный фразеомобразовательный элемент на этом этапе объективации концепта выступает архетипом культуры, поскольку его обозначаемое представляет первичное ценностно-смысловое восприятие познаваемого предмета. Если слово как первичный номинант – архетип культуры, то интерпретируемое живое слово, вовлеченное в орбиту фразеоморождения, – это одновременно и *генотип* – совокупность всех наследственных признаков исходного концепта, и *фенотип*. Иными словами, семантика фразеомобразовательной лексемы представляет собой совокупность всех признаков и свойств, сформировавшихся в процессе вербализации того конкретного «живого знания» (термин В. П. Зинченко), которое нуждается в своей объективации некой неофразама. Объективированный неофразама живой концепт содержит в себе когнитивный, исполнительный и оценочный компоненты, то есть те креативные конструкторы, из которых затем формируется це-

лостное, хотя и многоярусное, смысловое содержание культурного концепта, лежащего в основе семантики неофраземы.

В итоге **неофразема** как «живой» иллюкутивный знак языкового сознания выступает экспрессивно-ассоциативным **способом конденсации многоканальной смысловой энергии вербализуемого нового или переосмысленного концепта, возникающего в процессе перекраивания и обновления языковой картины мира**. Если перефразировать мысль П. А. Флоренского, высказанную о слове, то неофразема, сфокусировав в себе энергию живого концепта, становится той молнией, «которая раздирает небо от востока до запада, являя воплощенный смысл»: в неофраземе, можно повторить философа, «уравновешиваются и приходят к единству накопившиеся энергии» [12, с. 292]. Такого рода гармония предметно-чувственного и логического в смысловом содержании неофраземы достигается благодаря ее способности не только «ваять» образ, но и формировать концепт, проникая в сущность отражаемых и познаваемых предметов. Своей внешней формой, акустическим образом, неофразема вызывает в сознании человека наглядно-чувственный образ референта. Следовательно, неофразема, хотя и является элементом второй сигнальной системы, не порывает с «первосигнальными», чувственными формами мышления. Конденсация внутреннего смыслового содержания (означаемого знака) формирует представление. А в своем асимметричном дуализме они (акустический образ и внутреннее смысловое содержание) представляют нашему сознанию концепт как когнитивную категорию, органически совмещающую в себе предметно-чувственное и обыденно-понятийное. Именно способность неофраземы в зависимости от условий и задач общения обозначать как чувственный образ, так и когнитивную структуру позволяет ей быть универсальным средством в дискурсивной деятельности человека, поскольку выражение конкретного и отвлеченного в речи не остаются автономными. Они – два синергетических крыла в дискурсивном полете мысли.

Неофразема, таким образом, в отличие от единиц других (не естественно-языковых) знаковых систем не просто замещает или обозначает: неофразема – плоть дискурсивная, деятельная, разрешающаяся в событие (О. Мандельштам). Ее рождение связано с чувственным переживанием анализируемых и обобщаемых свойств, качеств и признаков обозначаемого фрагмента познаваемой действительности, а затем и с их упаковкой в ту или иную когнитивную форму (концепт, гештальт или фрейм). В ходе такой аналитико-синтезирующей деятельности языкового сознания выделяются наиболее значимые для данной дискурсивной ситуации признаки, что может привести к полисемии неофраземы: *раскидывать / раскинуть рамсы* – 1) ‘объяснять что-л., выяснять отношения’; 2) ‘думать рассуждать’; 3) ‘хвастаться’; *парить мозги* – 1) ‘заниматься умственной работой’; 2) ‘давать слишком большой объем информации, утомлять’. Если следовать концепции Л. С. Выготского, то языковое сознание, обладающее множественностью дискурсивных признаков, можно назвать структурной надсистемой образа мира [5]. Благодаря ее механизмам аккомодации и ассимиляции в языковом сознании завершается переработка чувственного восприятия действительности в когнитивно-прагматическую доминанту сознания. Согласно нейропсихическому учению А. А. Ухтомского, в нашем организме при отражении того или иного фрагмента действительности активизируется господствующий очаг возбуждения, который подчиняет себе всю систему текущих реакций организма. Принцип доминанты, по А. А. Ухтомскому, служит физиологической основой не только внимания, но и предметного мышления [11]. Поэтому всякая когнитивная структура (культурный концепт, представление или понятие)

В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

есть след от некогда пережитой доминанты, сущность которой заключается в выделении *важного, существенного* для данного момента с торможением всего, что для данного момента является второстепенным или и вовсе индифферентным. Такого рода доминанты, находясь между этнокультурным сознанием и миром, проецируют специфику внутренней формы неофразем даже близкородственных языков, которая, в свою очередь, обуславливает своеобразие их компонентного состава. Вокруг пресуппозиционного признака, объективируемого чаще всего метафорой, в результате приращения (контаминации или комбинаторики) смыслов и формируется новый образ. Именно он служит когнитивной основой неофраземы. Ср.: *обмолот пробежал* – (говорят при неудаче, используя контаминацию слов *облом* и *бегемот*) ‘задуманное не осуществилось’, *парикмахер Котовского* – шутл. ‘о чем-либо несуществующем’ (пресуппозиционный признак: Котовский – герой гражданской войны – был лысым).

Начальным когнитивным субстратом неофраземы выступает универсальный (предметно-изобразительный) предметный код (УПК). Он служит предметным остовом смысловой структуры неофраземы, на базе которого возникает ее внутренняя форма (об этом подробнее: [4, с. 35]). УПК – схема-посредник между неофраземой и предметом косвенно-производного знакообозначения; предметный остов – амодальный (беспристрастный) образ уже осуществившегося или будущего предметного действия, стержневой элемент мысли. В процессе дискурсивной деятельности УПК и предметный остов превращаются в «живую» внутреннюю форму неофраземы, из которых «произрастает» сигнификативное (понятийное) ядро и коннотации значения новой фраземы. Следовательно, в движении (развертывании, развитии) смысла формируются базовые компоненты семантической структуры неофраземы: УПК – схема, локализуемая во внутренней речи, предметный остов включает в себя амодальный образ действия, моторную программу, виртуальную реальность. Через неофразему предметному остову сообщается определенный дискурсивный смысл. Внутренняя форма, опираясь на УПК и предметный остов, наполняет семантику неофраземы дискурсивной энергией и субъективной страстью познания, придавая тем самым «живое» движение вербализуемому смыслу. Да, УПК и предметный остов в какой-то степени выполняют роль земного (предметного) притяжения, якоря, который крепит неофразему к ее денотату и без которого мысль превращается в неуловимую жар-птицу. Вместе с тем, они служат также трамплином для дальнейшего полета мысли (развертывания смысла). Познав в процессе фраземопорождения суть номинируемого предмета, сознанию необходимо соотнести фразеологическое значение с соответствующим предметным значением, поскольку именно предикаты формируют и разграничивают сигнификативные значения (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов). Используя метафору трамплина, Г. Г. Шпет пишет: «Оттолкнувшись от трамплина, мысль должна не только преодолевать вещественное сопротивление, но им же и пользоваться как поддерживающей средою» [13, с. 397]. Это трамплин наших сопереживаний, которые, собственно, и порождают в неофраземе различные коннотативные смыслы.

Поскольку порождение неофразем вызвано потребностью в знаках косвенно-производной номинации, их образование, наряду с внешними факторами (они бросаются в глаза и поэтому оказались более обследованными), подчинено **имманентным законам** развития, обновления, внутрисистемного преобразования и совершенствования языка, среди которых выделяются главные.

1. Порождающая функция синергетических возможностей языковой системы: (а) актуализации процессов самообразования диссипативных структур, нелинейно-

сти и неустойчивости эволюции сложных динамических систем, (б) использования механизма бифуркаций (подробнее см.: [1–4]). Бифуркация (основное свойство синергетики) приводит в действие потенциальную динамику спонтанной самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных систем путем взаимодействия внутренних факторов эволюции языковых образований, создающих в ходе макробифуркаций новые структуры: *летающая тарелка* – ‘НЛО’; *стряхнуть пыль с ушей* – ‘поставить на место зазнавшегося человека’. В отличие от традиционных парадигм, синергетика неологизации предполагает исследование неофраземки не как *состоявшегося*, а как *становящегося* факта, т. е. концентрирует внимание не на бытии неофраземы, а на её динамике.

2. «Закон языковой экономии», когда в когнитивно-дискурсивной деятельности говорящие порождают такие экспрессивно-образные единицы, которые способны наиболее эффективно замещать целые тексты, лаконично передавать событийную семантику. Ср.: *черта бедности* – ‘уровень благосостояния народа, обеспечивающий потребление материальных благ в минимальном объеме’; *включить печатный станок* – ‘начать дополнительно печатать бумажные деньги, не обеспеченные товарным производством’.

3. Действие в языке закона единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, тенденция к *обобщению* и *синкретизму* (нерасчлененности) – рудименты мифологического сознания. Это позволяет неофраземе представлять денотативную ситуацию как гештальт со всеми его атрибутами и функциями, включая также и его номинацию. С другой стороны, стремление к семиозису знаков косвенно-производной номинации для выражения *субъективных*, дискурсивно обусловленных смыслов: *дурнее пьяного ежика* ‘очень глупый человек’, *греметь арматурой* ‘быть очень худым’ (*кожа да кости*).

4. Потребность в новых *эмоционально-экспрессивных* обозначениях уже известных явлений объективной действительности (см.: [10, с. 24]): *стоять на стреме* – ‘караулить, сторожить, быть бдительным’, *ловить кайф* – ‘получать удовольствие’.

Выводы. Неофраземы – единицы косвенно-производной номинации сложной когнитивно-семиологической природы. В силу своей производности они имплицитно сохраняют связи и отношения, существующие между концептуальными топиками языкового сознания и образа мира. За каждой частью неофраземы стоит определенный концепт, следовательно, ее фразеомообразовательная структура позволяет установить связи между концептуальными узлами фрейма и определить их информативную значимость. Этим, на наш взгляд, определяется эвристический потенциал фразеомообразовательных компонентов в лингвистической реконструкции когнитивно-синергетических механизмов процесса семиозиса неофразем. В перспективе его исследование направлено на приближении пока непостижимой тайны отражения в нашем сознании динамики обновляемого образа мира, в котором мы живем, через выявление корреляций между «живыми» концептуальными структурами и семантической организацией новой фраземки.

Библиографические ссылки

1. **Алефиренко Н. Ф.** Когнитивно-синергетические механизмы фразеологической неологизации на рубеже веков / Н. Ф. Алефиренко // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ (Н. Новгород, 3–5 октября 2007 г.). – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского госун-та, 2007. – С. 28–34.

В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

2. **Алефиренко Н. Ф.** Когнитивно-синергетическое освещение процессов неофразеологизации / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистические и методические аспекты): Междунар. научно-практ. конф., посвящённая юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М. : «Элпис», 2008. – С. 23–28.
3. **Алефиренко Н. Ф.** Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Элпис, 2008. – 271 с.
4. **Алефиренко Н. Ф.** Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во Белгородского ун-та, 2008. – 152 с.
5. **Выготский Л. С.** Мышление и речь / Л. С. Выготский // Собрание сочинений. Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – 501 с.
6. **Іваноў Я.** Фразеалагічныя неалагізмы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове / Я. Іваноў // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazologia. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Uniwersitat Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2008. – S. 45–53.
7. **Касьянова Л. Ю.** Лингвокогнитивные механизмы неологизации / Л. Ю. Касьянова // Слово – сознание – культура: сб. науч. трудов / сост. Л. Г. Золотых. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 97–105.
8. **Кочерган М.** Динамічні процеси у фразеології української мови 90-х років ХХ ст. / М. Кочерган, Г. Мінчак // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazologia. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Uniwersitat Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2008. – S. 54–58.
9. **Мокиенко В. М.** Фразеологическая неология как лингвистическое явление / В. М. Мокиенко // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazologia. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Uniwersitat Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 2008. – S. 23–38.
10. **Сенько Е. В.** Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект / Е. В. Сенько. – СПб. : Наука, 2007. – 354 с.
11. **Ухтомский А. А.** Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.
12. **Флоренский П. А.** Столп и утверждение истины Флоренский / П. А. Флоренский. – М., 1990. Т. 2. – 258 с.
13. **Шпет Г. Г.** Философские этюды / Г. Г. Шпет. – М., 1994. – 229 с.

Надійшла до редколегії 11.02.09